

НГ ЕХ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «НГ» №43 (293), 11 НОЯБРЯ 2004 г.

До последнего пат Телесериалы: спасение или гибель для художе

Евгений Лесин

Литература не кормит, литература спаивает. Кое-кого, впрочем, кормит. Кормила советских литераторов разного пошиба, кормит успешных нынешних литераторов пошиба еще более разного.

На одном форуме, не важно каком, присутствовал Василий Аксенов. Один из работников, не важно какой именно административной службы, поинтересовался, кто он такой. Разговора, если не ошибаюсь, Василий Павлович, к счастью, не слышал.

других хороших фильмах – и всегда такой толстый, смешной.

Но они были совсем другие сценаристы. А теперь и Аксенов сценарист, и Пикунь, и Федор Достоевский. Все писатели мировой литературы от Бабеля до Гомера – сценаристы. Пишут смешные и грустные, порой даже трогательные, сценарии хороших мыльных опер.

Как когда-то индейцев загнали в резервации, так и писателей гонят в сценаристы. Для чего? Ну, индейцев, например, вовсе не осталось бы на земле. Улетели бы в небытие, как многие племена и на-

Как когда-то индейцев загнали в резервации, так и писателей гонят в сценаристы

«Писатель Василий Аксенов».

«Не знаю».

«Сериал «Московская сага» смотрите?»

«Ах, да, сериал. Ну, конечно, конечно...»

Смешно и совсем немного грустно.

Потому что сейчас и книжку переиздали (а я купил много лет назад, может быть, десять, может, и больше). Потому что по соседнему каналу идет «Конвой PQ-17». Валентин Пикунь не самый любимый мой писатель, но я помню, каким он был дефицитом. И «Реквием каравану PQ-17» (так у автора), кстати, одна из лучших его вещей. И он – писатель. Писатель, про которого еще кто-то помнит – раз снимает.

Кто вспомнит Акунина, если его, не читая, уже все ПОСМОТРЕЛИ?

Зачем читать, если сейчас время между книгой и фильмом – год?

Но Акунин, как и другие, знает, на что идет. Знает цену – не своим даже книгам, а людской памяти и благодарности. Честный беллетрист и сценарист.

Шукшин и Бертран Блие – тоже сценаристы. И актеры. Вы, наверное, помните, еще в «Высоком блондине» играл – толстый такой, смешной. И в

роды. Как животные, как растения, которых теперь нет. А когда-то ведь – были. Сохранение того или иного вида – лишь с недавних пор стало интересовать цивилизацию. Индейцам повезло. Многим другим повезло.

Так и с литературой. Все равно ж люди будут писать. Ну, хочется. Вот удержу нет. Так вот вам: идите в сценаристы, зарабатывайте денежки. Уже работаете и хорошо получаете? Еще лучше. Интернет к вашим услугам – обязательно найдутся и другие сумасшедшие. Как в известном, даже навязшем в зубах, потому что всегда вспоминают именно его, стихотворении Александра Тимофеевского. Один сумасшедший напишет, другой сумасшедший прочтет.

Так не только с литературой. Так и с той самой так называемой и пресловутой Великой Литературой. Школа ничему не учит. А кино, тем более сериал, может и завлечь. Сериал лучше, потому что если уж привык (случайно, право) не только к бригаде ментов и буммеров, а и, например, к телепохождениям идиота Мышкина, то в принципе и приник к ней, Великой Литературе. Практически весь «Дневник писателя» освоил.

Стоит ли горючиться? Нет, разумеется. Но ведь каждый ку-

Аксенов? Ах, да, сериал...

лик... И защищает его, свое болото, до последнего литературного патрона. Я не о спонсоре, я о пуле.

И еще одно. Почему все-таки горячусь. Потому что писателя Аксенова я люблю намного

го больше писателя Пикуня. А вот сериал про караван, пожалуй что даже и интереснее.

«Вся читающая Россия». Во все времена «читающая Россия» – горстка людей, страшных далеких от народа. Только при

Либеральный традиционалист

Юрий Поляков: «Меня Бог наградил умением писать занимательно!»

Завтра, 12 ноября, исполняется 50 лет писателю, главному редактору «Литературной газеты» Юрию Полякову. 13-го, в субботу, в 17.00 по сему поводу состоится торжественное собрание в Большом зале Центрального дома литераторов. Так что кто не успел с подарком любимому писателю – поспешите! А мы накануне даты не отказали себе в удовольствии узнать лично у юбиляра, как продвигается подготовка к празднику.

– Юрий Михайлович, как вообще настроение накануне пятидесятилетия?

– Настроение хорошее. К юбилею удалось завершить многие дела. В этом году у меня вышло восемь серийно, единообразно оформленных книг в издательстве «Росмэн» и две версии собрания сочинений – одно пронумерованное, а другое в такой современной оформительской стилистике. Первые заводы фак-

тически всех книг разошлись сразу, не доехав даже до склада. Для меня даже странно, что, например, сборник пьес «Хомо эректус» допечатывался трижды! А сборник статей «Порнография» допечатан второй раз.

– При каких тиражах?

– 5–10 тысяч. То есть, может быть, для прозы-то они и не-

ей пьесе «Хомо эректус», которую ставит Андрей Житинкин. Что интересно, это тот редкий случай, когда из-за идейно-нравственной направленности пьесы между собой переругался весь первый состав актеров! Одни считали, что мой критический пафос по отношению к действительности справедлив, другие –

Я должен сначала хорошо писать, а потом уже излагать свои духовные искания

большие, но для пьес и статей это очень прилично. Вышло и очередное, двадцать какое-то издание «Козленка в молоке». Кроме того, после трех лет проблем на Театре сатиры недавно появился транспарант, на котором написано, что одна из ближайших премьер – спектакль по мо-

что это клевета. В результате актерский состав полностью поменялся. Теперь в спектакле играют Юрий Васильев, Алена Яковлева и другие хорошие актеры.

– И когда премьера?

– В поздравлении, которое мне направил Александр Ширвиндт, он со свойственным ему остро-

Личная жизнь Юрия Полякова развивается в патриархальном ключе. Фото Артема Житенева (НГ-фото)

умием написал, что на самом деле Полякову не 50 лет, а 47, потому что три года жизни у него отнял Театр сатиры! Но, говорит, теперь всё позади и вскоре после юбилея состоится премьера. Это синтез гротеска, сатиры, реализма и, если угодно, драматургической публицистики.

– А в чем суть?

– «Новый русский», у которого начался семейный кризис, решил укрепить брак по американскому рецепту, путем организации у себя на квартире «свинга». То есть обмена женами. Пьеса представляет собой съезд гостей на этот обмен женами, а что потом случится – зрители узнают. Скажу только, что обмен женами пойдет не по американскому, а по чисто русскому пути! Я очень жду премьеры, потому что, на мой взгляд, я предлагаю не только свое видение времени и отношение к происходящему, но и некий жанровый выход из того кризиса, в котором сейчас находится драматургия.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Либеральный традиционалист

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

– Но я лично не наблюдаю у нас кризиса драматургии. Наоборот – расцвет!

– На мой взгляд, современная российская пьеса почти утратила сюжет. Там не за чем следить. А я предлагаю тот сюжет, который заставляет зрителя следить до конца. И это не чернуха, а здоровая сатира. Во всяком случае, мне хотелось, как и в прозе, написать такую вещь, которая сочетала бы в себе и сюжетную и социальную остроту, и юмор – потому что пьеса, в которой не смеются, это не пьеса! – и в то же время избежать нагнетания помоечного пафоса. У меня там нет ни чернухи, ни физиологизма, ни матерщины. Даже гомосексуализма нету!

– Да это вообще что-то невиданное!..

– Если бы смысл жизни сводился к физиологическим процессам, достаточно было бы учебника физиологии, анатомии и пищеварения. Зачем пьесы писать?..

И наконец, после долгих мучений, выходит на широкий телевизионный экран восьмисерийный фильм «Козленок в молоке», который сняли Кирилл Мозгалецкий и Владимир Нахабцев-младший. Это был многотрагедийный проект! Для начала он натолкнулся на абсолютный правовой беспредел у нас в стране. Режиссер, которого продюсер выгнал по профессиональным соображениям, подделал договор на уступку прав и долго судился, имея копию несуществующего договора, заверенную у нотариуса! Оказывается, против такой бумажки очень трудно судиться. Так ему, видимо, хотелось ставить мой роман! Но эта проблема была решена, и начались проблемы с каналами. Всем, куда и к кому продюсер обращался, кино нравилось, но говорили, что им это идеологически не подходит. Слишком антилиберально, слишком много сатиры на «демократический» период нашей жизни. Но фильм прошел на одном из кабельных каналов (имел, кстати, хороший рейтинг), и уже 20-го, кажется, числа он начинает показываться на ТВЦ.

– А что с новыми книгами?

– Заканчиваю роман, который называется «Грибной царь». Это своего рода завершение трилогии, посвященной, как сказал бы литературовед, судьбам постсоветской семьи. Туда входит роман «Замыслил я побег», повесть «Возвращение блудного мужа» и этот новый роман, довольно большой – примерно 19 авторских листов. Он фактически закончен. Но у меня обычно бывает не меньше 10 редакций, сейчас идет где-то седьмая. Еще парочку редакций минимум надо сделать!

– А сколько времени обычно пишется большая вещь?

– Годы три. А от замысла – еще дольше.

– Всегда ведь интересно, как, из чего рождается этот замысел. Из личных впечатлений чаще?

– Иногда из личных. Например, «Козленок в молоке». Когда я еще был молодым поэтом, мы выпивали в Доме литераторов, читали по кругу стихи, и ходил какой-то мужик, с нами выпивал. До него в чтениях очередь никогда не доходила, а он любил давать оценки, но отделивался всякими умными фразами типа «не вари козленка в молоке матери его». Долго ходил, и все были уверены, что он поэт. Но как-то он сказал про чьи-то стихи, что это, в общем, дерьмо! Автор обиделся, говорит: «А ты-то чего сам пишешь, давай читай!» На что был дан ответ, что он вообще не поэт, а инженер. Ему просто нравится в ЦДЛ: водка дешевая в разлив, кофе дают, с умными людьми поговорить можно. Ну мы его спросили, как же он заходит, по писательским билетам ведь вход? А он, оказывается, просто говорил, что ему назначил встречу, скажем, писатель, который только что зашел. И его пускали. Я подумал давным-давно, что история забавная, хорошо бы написать рассказ. А это превратилось в роман.

«Замыслил я побег» – из личного опыта. У каждого в жизни были семейные кризисы. Однажды я, еще на заре семейной жизни, обидевшись отчего-то на жену, стал собирать вещи и вдруг задумался на какой-то из них. Через час понял, что я так буду собираться неделю. Потому что за каждой вещью, которую я клал в чемодан, стояла прожитая жизнь, какие-то отношения... И я не ушел. Одумался, что называется. Но сюжет, подумал я, неплохой!

– То есть материальный мир победил мир исканий!

– Зато получился роман. Который выдержал за пять лет больше 10 изданий. И тоже был экранизирован.

– Не секрет, что Юрия Полякова многие считают «просто беллетристом». Или даже «конъюнктурщиком». Но ведь, как я помню, скажем, повесть «Сто дней до приказа» открыла тему дедовщины в армии. Тут, очевидно, писательское чувство, нюх на тему шли раньше, чем это стало «разрешено».

– Тут даже и говорить нечего. Какая могла быть конъюнктура, если «100 дней до приказа» я написал в 1980 году, а опубликовали ее в 87-м? «ЧП районного масштаба» я написал в 81-м, а опубликовали – в 85-м. Речь идет о каком-то особом социальном чутье, которое дается от природы. И вот те, кому оно не дается, начинают придумывать «конъюнктуру» и тому подобное. А что касается «беллетристики» – то о ней говорят, как правило, те, кто не умеет писать интересно. Они вообще, может, не писатели по натуре, а филологи или философы. Но почему-то решили стать писателями. А я учился беллетристике у таких писателей, как Куприн, Булгаков, Катаев... Учился писать так, чтобы было интересно читать. Это такая же основа профессии, как поставленный голос у актера или оперного певца. Я должен сначала хорошо писать, а потом уже вкладыв

зательно читаю. А вообще слежу, конечно, за современной литературой.

– Странно было бы, если бы главный редактор «Литературной газеты» не следил! И у меня, кстати, в этой связи вопрос. На мой взгляд, если судить по «Литгазете», именно в литературе ничего интересного сейчас не происходит...

– Это кому что интересно! Тут надо иметь в виду, что «Литературная газета» никогда не была чисто литературным изданием, в отличие, скажем, от «Ех Libris'a», который ориентируется прежде всего на книги. Мы не можем всю газету посвятить литературе. Но у нас сейчас структура, кстати говоря, в точности соответствует структуре газеты во времена Чаковского.

– Не знаю, о чем уж это говорить!

– Это говорит прежде всего о преемственности! И я имею в виду, что литературы у нас сейчас столько, сколько ее было во времена расцвета газеты. Это во-первых. Второй момент связан с тем, что человеку с особыми эстетическими предпочтениями действительно может что-то не нравиться. Потому что мы действительно вернули в серьезном объеме литературу традиционно-консервативного направления. Раньше у нас была только экспериментальная и, так сказать, либерально-политическая линия. Сейчас есть и то, и это. Но есть и объективный показатель. Тираж газеты за три года вырос почти в три раза, газета вышла на самоокупаемость. Это о чем-то говорит! Мы же не занимаемся политическим лоббированием, вливаниями никаких со стороны «заинтересованных лиц» у нас нету. «Литературная газета» ведь очень долго – еще до моего прихода – боролась за рынок и капитализм. Она победила! И сама оказалась в этом рынке, где акционеры сказали, что газета должна окупаться и приносить доход. Мы и живем по законам

– А не напрягает ли это редакторство, не мешает писать?

– Писатель, он и должен напрягаться социально. Как только он перестает напрягаться, он превращается в домоседа, который начинает писать жуткое занудство или, что еще хуже, становится угодником разного рода премиальных комитетов и жюри. Что занимает душевной, нервной энергии, а иногда и времени столько же, сколько редактирование газеты. Я же всегда был человеком общественным. Газету не редактировал – так издавал на свой страх и риск журнал «Реалист» или баллотировался в депутаты. Социально активная часть существа должна работать! Конечно, два года я почти ничего не писал, пока мы газету из кризиса выводили. А меня ведь позвали на редакторство, когда я как раз написал примерно половину «Грибного царя».

– Почему название, кстати, такое?

– Оно очень символическое и замотивированное! Но, как я всем говорю, узнаете, когда прочитаете!

– У нас такое прямо благостное, настоящее юбилейное интервью получается. Поэтому спешу: а к себе самому за 50 лет не накопились, как говорится, вопросы?

– Вопросы у меня к себе уже принципиально-творческого плана. Потому что, скажем, на излом в десятилетней оппозиции ельцинскому режиму я себя попробовал, не сломался, не продался, писал, что думал. Из-за моих статей газеты закрывали! Сейчас вышла книжка статей «Порнокрапия» и, кстати, книга интервью, называется «Апофегей российского масштаба». Когда книги готовились, я не исправил ни единого слова. Даже если ошибался – искренне. Но чаще, по-моему, не ошибался!

Поэтому мои претензии к себе исключительны «гамбургского счета». В этом возрасте уже

Мои претензии к себе исключительно «гамбургского счета». В этом возрасте уже надо думать о том, чем станут твои книги

вать и излагать свои философские соображения или духовные искания, которые, уверяю тебя, ничуть у меня не менее насыщены, чем у писателей скучных. А то, что меня Бог награждал умением писать занимательно, – да, это так!

– Ну, у настоящего писателя в тексте присутствует все – и занимательность, и беллетристика, и философия, и любовь, и реальность, и выдумка, – и уже от таланта зависит, насколько та или иная часть духа воплощается в тексте.

– Конечно, потому классики и называются классиками – у них есть и социальность, и сюжет, и психологизм, и мир идей, и вторые, и третьи планы. Но все это может быть прочитано и на профанном уровне. Секрет того, что мои вещи выходят такими тиражами, – именно в этом. Выстраивая сложное, структурное произведение, я всегда стараюсь довести его до такого состояния, чтобы его мог прочесть читатель неискушенный. В «Козленке в молоке» есть занимательный плутовской сюжет, который интересен всем (даже спектакль в Театре Рубена Симонова уже 230 раз прошел), и пародийная полемика с постмодернизмом, и какая-то литературная игра, которую поймет профессионал. А ярлык традиционно наклеиваются теми, кто не умеет ничего делать сам. Но в конечном счете все решает читатель. Если твои книги начинают перечитывать, то ты спор с коллегами выиграл!

– А самому что читать удаётся?

– Для души я читаю историческую литературу, немного философскую и богословскую, перечитываю классику. Когда у товарищей выходят книги – их обя-

зательно читаю. Если бы мы были неинтересны – нас бы не читали и не покупали. А ты ведь заметишь, наверное, что мы не даем никакой навязчивой рекламы – всё за счет содержания!

Да, наша газета сориентирована в основном на людей взглядов центристских, консервативных и тех, кто придерживается в культуре традиционных ценностей. Хотя есть у нас полоса «Беззаконная комета», где мы печатаем молодую литературу, да и многое другое присутствует. Но главное – мы дорожим своим, кстати, массовым читателем. Потому что в обществе преобладают настроения традиционализма и консерватизма. Да я и сам по взглядам либеральный традиционалист!

– Так я, в общем, тоже за разумный, либеральный консерватизм. Но даже чтобы поддерживать традицию, какой и этот самый консерватизм, нужно, чтобы в мире идей – то есть и на страницах газеты – постоянно кипели страсти. Нельзя на месте стоять, чтобы жить!

– А кто ж с этим спорит! Мы не отказываем авторам, которые исповедуют самые разные взгляды. И сотрудники у нас самые разные – так и должно быть. Отдел «Общество» у нас вообще форпост либерализма! Единственный, что я сказал твердо, когда пришел: той ситуации, когда в газете 10 лет не упоминался Валентин Распутин, не будет! Но мы не отказываем ни от кого – и в публицистике, и в литературе. Недавно была полоса Андрея Нуйкина, только что отрецензировали новую книгу Бориса Васильева... В идеологическое манихейство мы не впадаем. Газета у нас полифоничная, а свою точку зрения я никому не навязываю.

надо думать о том, чем твои книги станут – историей литературного процесса? Частью истории литературы? Частью литературы?

Последнее, конечно, самое желанное. После того как закончится твоя жизнь, твоя эпоха, поменяется культурный код, в котором ты работал, – будут ли твои книги интересны читателю? Коварство и жестокость литературного труда заключается в том, что сам понять этого не можешь и не сможешь. Читатель откроет через несколько десятков лет и скажет: да, это можно читать. Или не скажет. Собственно, в расчете на этого гипотетического читателя и стараешься взять новую поставленную перед собой художественную, философскую, профессиональную задачу. Например, роман «Грибной царь» у меня достаточно сложный композиционно, но в то же время я хотел, чтобы он читался как детектив, на одном дыхании. Поэтому недовольство у меня если и есть, то профессиональное.

А в личном плане – новых семей и жен я ведь не завожу! В январе будет 30 лет моего брака. Дочь у меня вышла замуж. Один внук у меня уже есть, но сейчас она ждет, судя по всему, дочку. В декабре, если Господь сподобит, будет прибавление в семействе. Так что личная жизнь развивается в таком монотонно-патриархальном ключе. Иногда даже начинает казаться, что слишком патриархальном!

– Думаю, на этой оптимистичной, патриархальной ноте мы и закончим! С юбилеем, с праздником...

– Дорогой товарищ! Спасибо! ■

Беседовал Александр Вознесенский

стихотворение шандора на няди, посвященное Лорке.

После чтений началась «дискуссия». Поспорили на тему жива ли современная поэзия?! По мнению переводчика и издателя журнала «Комментарии» Александра Давыдова, «западная поэзия убога, французские поэты скучны. Подъем произойдет в маргинальных странах. В Китае, например, или Мадагаскаре». Григорий Кружков посетовал на то, что в поэтическом переводе нет смелости, 20–30-летних: «Потому что

«гол» Александра Давыдова, «поэтами становятся как раз те, кто в 10 лет сидит за компьютером».

Что касается издателей, то на вечер их было немного.

Но послушать переводчиков, нуждающихся в «обратной связи», пришли все-таки многие. Этому, безусловно, способствовало и доброе имя журнала «Иностранная литература». И потребность в подобных «творческих встречах» – как с читателями, так и с коллегами. ■

Елена Калашикова

19.00 в «Пирогах» (Никольская, 19/1, м. «Лубянка») состоится церемония присуждения игровой литературной премии «Живая вода». Премия присуждается лучшему livejournal-поэту по версии «Пирога» на Никольской. Во вторник, 16 ноября, в 19.00 книжный магазин клуба «Билингва» (Кривоколенный пер., 10, стр. 5, м. «Чистые пруды», «Лубянка») и издательство «Время» представят книгу Евгения Рейна «После нашей эры».

В среду, 17 ноября, в 19.00 в рамках литературных встреч книжного магазина «Букбери» (Никитский б-р, 17, м.

«Арбатская») состоится лекция историка Владимира Карпеца, посвященная теме, лежащей в основе исторических построений книги Дэна Брауна «Код да Винчи». 17 ноября в 19.00 в клубе «Билингва» состоится презентация книги Бенедикта Сарнова «Скуки не было. Первая книга воспоминаний. 1937–1953» (М.: Аграф, 2004).

17 ноября в 20.00 в «Проекте О.Г.И.» Линор Горалик и Станислав Львовский представят свой роман «Половина неба», выходящий вскоре в издательстве «Иностранка».

НГ-EL